

**Письма командира взвода управления 2-го дивизиона
888-го артполка 326-й стрелковой дивизии С.Н.Неверова в д. Каменка Ромодановского
района жене**

5 мая 1942 г.

Дорогая Полина!

1-го мая получил твои две открытки и письмо, а также письмо и открытку от брата. 3-го мая получил твое письмо, посланное 19 апреля 1942 г., о каждом и упоминаю отдельно, так как оно возбудило во мне много волнующих чувств. Его я прочитал два раза и сохранил при себе. Это не письмо, а начало развернувшихся действий романа. Я знаю, что в него ты вложила всю свою искренность неподдельной души. Чем оно и важно для меня. Вот почему меня не покидают никогда самые благие намерения, как в части тебя, а так же и в части нашей вместе любимой дочери, которая, тем более вместе со своим ростом, все более и более, как ты, преобразается, приобретает и мои качества. Зная тебя, я знаю, что ты просто внушаешь сама себе. Мне помнится тот день, когда я тебя привел вместе с ней на квартиру. Тогда ты сказала: «как хочется, чтобы она была похожа на тебя». Она в твоём взгляде такая и есть на сегодня, правда, о нашей Татьянке много написала Тоня, она тоже нашла в ней улыбку, свойственную мне. Ну, если это так, то я этому рад вместе с тобой и отдельно за тебя. А все-таки карточку ты постарайся прислать с нее.

Твою карточку я получил. Она мне напомнила очень о многом из нашей совместной жизни. Её храню вместе с карточкой, взятой у тебя раньше, так как это две карточки – два волнующих периода. Для меня явилось новостью перевод Казанцева. Прошу, как только узнаете его адрес, постарайтесь сообщить мне.

Брату 2-го мая послал письмо и сделал перевод на 200 рублей по его адресу на первомайские подарки для племянников. Ты сообщаешь, что мама обиделась на Галину за ее оговорку по воспитанию Веночки. Я скажу только одно, что не все сказанное надо принимать близко к сердцу, так как не каждый человек имеет хорошее воспитание и знает меру вежливости. А по вопросу того, чтобы мама перешла жить к тебе, надо об этом с ней вообще не говорить, так как знаешь, что это ее сильно волнует и как бы не было, поскольку мы живем так близко друг к другу, от Николая она конечно не пойдет. Я не могу знать, насколько это тяжело и обидно для нее. Но если зародилась какая-либо мысль о переезде к дочерям, то необходимо от этого разговаривать¹, так как это есть крайность, а я думаю что дело до крайности идти не должно, так как наша мать за умом еще мало к кому обращалась. Если только и сейчас эта атмосфера не разрядится, то ты мои мнения выскажи.

Теперь насчет моих товарищей и знакомых по военной службе, о которых ты спрашиваешь. Петров жив и всегда мы вместе с ним, правда, не так давно попали под снаряд, то [он] отделался небольшим ушибом почек. Начальник штаба Логачев также работает на старом месте. В большой дружбе я с начальником штаба нашего дивизиона. Он хорошо исполняет романсы (имеет хороший голос), и вот свободное время мы иногда заполняем песнями и романсами.

Я почему-то часто пою «Везде и всегда за тобою», и это удачно выходит. Сейчас жизнь полна военной учебы. Учим бойцов бесстрашию в бою, к овладению в совершенстве своим родом оружия^{**}. Биться будем с ненавистным врагом до последней капли крови, так как победу можно одержать только так. Это будет ближе к встрече.

Напиши мне хотя бы в двух словах, как вы справляетесь с севом и как претворяете в жизнь постановление СССР^{***} и ЦК ВКП (б) по вопросу мобилизации городского населения на с[ельско]х[оз]яйственные работы, а так же об увеличении минимума трудней для полковников. Интересуюсь твоей новой специальностью трактористки, как освоила это

дело.

До свидания.

Желаю наилучших дней, крепко обнимаю и целую тебя, так же свою любимую Татьянку.

Твой любимый Сергей.

24 мая 1942 г.

Дорогая жена!

Начинаю скучать о твоих письмах, так как их давно не получаю. В твоих письмах всегда есть такое, что дорого для меня и, читая их, я как будто нахожусь вместе с вами, перед собой вижу тебя, вижу резвость и рост дочери. У нас (среди командиров) расценивают (шутка) неполучение писем тем или иным товарищем от семьи как забывчивость, связанную с интересами слева. И вот я попал в эту категорию товарищей, хотя твердо знаю, что причина неполучения писем совсем в другом.

Я, как и прежде, Полина, здоров и служу все в той же части и в той же должности. У нас пока что относительно спокойно. Живем в лесу, и в летнее время это даже лучше чем в деревне (если не считать дни военной важности этого).

Дожди как будто бы перестали, и сейчас здесь устанавливается ясная и теплая погода, но еще не жара. И вот иногда, в свободное время, в тихую темную ночь, черт знает, чего только ни вспомнишь, а больше всего вспоминается то небольшое счастливо прожитое время с тобой. И при этом рисуется еще более счастливое будущее, которое надо сейчас еще отвоевать в жестоких боях. И ничуть не страшно умереть даже за нашу Родину, за свободу, за наши семьи, за наших детей, хотя жизнь так дорога.

Теперь хотя несколько и поздно, но хочу сказать, что в письме ты совершенно правильно ответила на мои «нападки» по отношению к твоей «замкнутости», если это все делается в интересах сохранения здоровья дочери. Ради дочери, конечно, ничто не в тягость, так думаю, а так по-моему поступишь ты.

Напиши, как живет и работает Тоня. Передай ей привет и большую благодарность за письмо, так как не помню, было ли это сделано в прежних моих письмах.

Передавай горячий привет Пелагее Васильевне. Думаю, что ты с ней живешь без скандала, а если прежнее с вашей стороны к ней повторяется, что заставляет ее сердиться на вас, надо понять, что время уже все это вам оставить и тем самым создать больше спокойствия в ее жизни. А это ты обязана делать по отношению к ней. Когда она была у нас, а может быть и сейчас живет, то представляю, что она много времени уделяет Татьянке, и она или дерется с ней, или очень дружит.

До свидания.

Крепко обнимаю и горячо целую тебя.

Твой Сергей.

29 марта 1943 г.

Дорогая милая Полина!

Шлю тебе горячий фронтовой привет. За твое долгое молчание был за последнее время сердит на тебя, но как только получил твою открытку, все мои обиды исчезли. Ты все так же, как и в первые дни нашей разлуки, волнуешься и беспокоишься за меня, ожидая встречи и вместе с тем горячих объятий и ласковых слов наяву, а не во сне, как об этом сообщила ты мне. Знай и верь, что день нашей встречи не так уж далек. Сейчас мы вышли из боя.

Находимся в удалении от переднего края фронта, где немного поспокойнее. Живем, все так же в лесу, в землянках, где пока еще оборудовались не так хорошо. Основное занятие – учеба личного состава. Пока все идет хорошо. Если на фронте нашего участка не произойдет каких-либо резких изменений, то, может быть, будут предоставляться отпуска. По вечерам бывает свободное время, в часы которого чаще всего во что-либо играем, и много приходится вспоминать и петь любимые цыганские романсы, а так же на новые фронтовые темы. Одну под названием «Землянка» я тебе сообщу.

В общем, с наступлением весны пробуждаются глубокие любовные чувства, которые тревожат душу и влекут за собой воспоминания о прошедшей взаимной любви, что может быть лучше того времени, и что может быть приятнее сознания повторения этого в будущем. Во всяком случае, ради этого страстно хочется жить.

Сейчас работаю в должности командира батареи. Хотя эта должность и посложнее, но она удовлетворяет меня, так как прежняя работа была сильно ограничена, где нельзя было полностью использовать весь приобретенный запас военных знаний.

Николай пишет, что вы вместе были с его семьей в театре.

И я доволен этим, так как не следует стоять в стороне от этой² <...> жизни, тогда, когда представляется возможность, но это бывает очень редко, я стремлюсь развлечь себя этим видом искусства.

Еще раз прошу прислать фотокарточку дочери, последних дней ее роста. Твою фотокарточку я стал все чаще и чаще держать перед своим взором. Представь, что, чем ни больше пройдет времени, тем все труднее будет представить твой живой реально осязаемый образ, тем ценнее в такое время твоя фотокарточка, присланная на память. Иногда, смотря на фотокарточку твою, забываешь, где явь, где сон. Но не в обиду скажу тебе, что прическа сильно изменила тебя, сделала лицо грустным, скромно-пожилым. Ну, да это ничего, думаю, что ты не всегда такая. Кончаю [писать].

Желаю полного благополучия и исполнения твоих желаний. Горячо поцелуй за меня нашу Татьянку, тебя же я обнимаю и горячо целую, с полной надеждой на будущее, твой седой Сергей. Передавай привет Тоне Ермаковой. Мне почему-то все последнее время стали совсем редко писать письма Саша и Казанцев. Без писем, поверь, здесь бывает иногда так же трудно.

20 июня 1943 г.

Дорогая и любимая Полина!

Я получил от тебя два письма: одно почтой, другое посылкой, доставленной мне Комаровым (признаться, которого не знаю) и как всегда, а в этот раз – особенно, был рад всему, о чем ты сообщила, был особенно тронут душевно проявленной по отношению ко мне заботой, вниманием вплоть до отдельных мелочей быта. В этот раз я не только душевно, но и³ <...> свою гордость за тебя, за верных жен фронтовиков. И это произошло тогда, [когда] мы распивали твой подарок. Я говорю мы – потому что со мной были близкие боевые друзья, с некоторыми начали войну и с ними ежедневно работаю и живу. Это хороший боевой коллектив и ты для них стала так же знакомой женщиной, тебе от них фронтовой товарищеский привет.

Несколько слов о некоторых вещах твоей посылки:

1. Зеркальце – ты, вероятно, каким-то образом знала, что его у меня нет и оно необходимо.

2. Трубка – это вероятно шутка, так как ты знаешь, я не курю.

3. Все остальное в том или ином направлении неопределимо ценно.

С Комаровым, Полина, повидаться не пришлось, так как поехать к нему не было времени, но узнал, что он был у тебя и о дочери говорит, что она большая. В это слово «большая» я вкладывал многое. Со Сташинным я встретился позднее того, как получил от него посылку. Оказалось, что мы по работе знали друг друга еще до войны и имеем общих знакомых. Ты спрашиваешь, как поступить с усадьбой? Если ты сумела использовать в этом году, то на дальнейшее нет смысла держаться за нее. Если говорить о послевоенной жизни (несколько заглянуть вперед), то она нам будет не нужна. Да и сам наш город при полном моем здоровье вряд ли будет для меня постоянным местом жительства.

В твоём письме проскальзывает выражение «счастлив тот, кто сумел побывать в войну в отпуске в своей родной семье». Это может быть отчасти верно, но я говорю, что счастлив будет тот, кто пройдет всю войну, не потеряв семью. Сейчас хочется повидать вас всех, но я знаю, что это не продолжительная встреча, вместе с радостью приезда оставит еще большую печаль отъезда. О твоей усталости в работе я догадывался и даже знал раньше. Но надо не плошать.

Надо находить в себе достаточно сил для того, чтоб перенести все трудности момента. Ты конечно об этом хорошо знаешь сама, а я не могу предвидеть всего того, что встречаются в жизни ты и многие другие. Пока, кончаю [писать]. Передай привет всем родным. До свидания. Остаюсь, жив и здоров. Крепко обнимаю и целую тебя, твой Сергей. Может быть, война в скором времени опять заставит считать версты** <...>

27 октября 1943 г.

Дорогая Полина!

Шлю горячий фронтовой привет. Хочется несколько слов сообщить о себе, об остановке, фронтовой жизни. Сейчас, как и несколько уже прошедших дней, находимся пока далеко от фронта, но готовимся к наступлению. Жизнь идет по-прежнему, немного правда скучновато. Это как всегда в такой период. Во время боев, конечно, меньше скучаешь о буднях жизни. Погода пока теплая, природа все также хороша. Иногда (два раза) ходим на охоту за утками. Их здесь достаточно, в озерах много рыбы. Чувствую себя хорошо. Крепкий и здоровый, бодрый духом. Здесь ничто не в тягость. Зима как будто не скоро будет. Наступает праздник Октябрьской революции. Кто знает, как придется его отметить мне, но вы его встретите по настоящему, если жизнь ваша будет как и прежде. Думаю, что Сима еще будет в Саранске, хотя Николай писал, что берет ее к себе. Для них она необходима. Нам как-то не приходится завидовать этому, или это только так кажется мне.

Высылаю тебе маленькую фотографию с себя среди группы своих товарищей, сфотографировался в период боев в сентябре месяце за р. Десна и г. Рославль. Правда один неудачно вышел, но ты меня узнаешь среди других. Фото более или менее правдиво отражает мой внешний вид, а то, что в душе - трудно передать. Об этом я писал тебе в предыдущем письме.

Поздравляю тебя с праздником Октябрьской Социалистической революции, я так же радуюсь вместе с тобой и приближающейся дате 3-летия нашей Татьянки. Пусть растет и знает наша Татьянка, что у нее есть любящий отец, которого она еще не знает, но скоро увидит.

До свидания.

Крепко обнимаю и горячо целую тебя, твой Сергей.

19 февраля 1944 г.

Дорогая моя крошка!

Давно не получаю твоих писем, да и вряд ли получу скоро. А все это вызывает душевное волнение. Сейчас я еще имею возможность писать тебе письма, находясь в более спокойной обстановке, но скоро потекут дни совместно с боями <...>.

В деморализации частей в немецкой армии большую роль сыграли партизаны⁴. Партизаны здесь занимали целые районы. Город Гдов был, по существу, взят партизанами. Мне пришлось побывать в местах «Ледового побоища» периода Александра Невского. Места здесь с точки зрения природы красивы, а для нашего дела трудные. Сплошные леса и болота, мало проезжих дорог. Населения сохранилось много. Принимают нас гостеприимно, но горе испытала каждая семья.

После продолжительной оттепели установились легкие морозники, что для нас неплохо, готовимся достойно встретить годовщину Красной Армии. Может быть, придется⁵ <...> за пределами границ РСФСР.

Вернусь к началу, ибо хочу сообщить, что еще и еще раз перечитал я твое «большое» письмо. А оно не только большое по объему, но и по содержанию, по глубине и полноте высказываний мысли^{**}. Все просто и ясно, а по существу и радостно, и грустно. Ответить тебе на это письмо более полно, пока не в состоянии.

Дела на службе идут без изменений, да скоро они и вряд ли будут. Здоровье хорошее и настроение не плохое, так как наше наступление вдохновляет нас на великие подвиги. Никакие трудности нам не страшны. До свидания. С приветом, твой Сергей.

Целуй за меня Татьянку. Передавай привет маме, Николаю, Гале, Пелагее Васильевне и бабушке.

8 мая 1944 г.

Дорогая Полина!

Твое последнее письмо я получил довольно-таки давно, а при том оно было написано тобой под влиянием последних семейных несчастий (болезни мамы, смерти племянницы и др.) Я ожидал в скором времени получить от вас более успокаивающее известие о болезни матери, но пока от вас ничего нет.

Я не совсем понял насчет отправки мамы на лечение в Москву, что это - только желание или уже решенный вопрос. Прошу написать, что сделано в этом отношении.

Ты, Полина, много кладешь усилий на воспитание нашей дочери, да оно и быть иначе не может, хотя тебе и нелегко. Лучше всего на лето устроить ее в детсад, как бы тебе не было трудно носить ее туда и обратно домой, все же это лучший выход из положения.

Предполагаю, что у тебя сейчас самая горячая пора в работе, если ведешь то же самое дело, но надеюсь, что у тебя нет лишней суетливости и какого-либо признака отчаяния, вызванного неудачами. Как встретила весну и провела 1-е Мая? Мне этот праздник в третий раз приходится встречать на фронте в боевых условиях, так что, как праздник, 1-е Мая отмечен только воспоминаниями боевых дел в кругу своих близких фронтовых друзей. Погода здесь и до сих пор столь холодная с постоянными дождями. Всюду непролазная грязь.

Работы сейчас не так уж много, что чаще вызывает скуку по дому и по вас. Стремлюсь добиться отпуска, но пока ничего определенного. Все может произойти неожиданно.

Состояние моего здоровья неплохое, но во всем сказываются годы (старость), а внешне как будто бы еще не стар.

Потерял из вида Алчшева, так как он по болезни ноги попал в госпиталь и каково положение его сейчас - мне не известно. Вероятно к нам он не вернется. До свидания.

Передавай привет маме, Николаю, Галине. Надеюсь увидеть маму в полном здоровье. Еще раз до свидания, крепко обнимаю и несколько раз горячо целую тебя, твой Сергей.

- 1 Так в документе
- ** Так в документе
- *** Так в документе
- 2 Далее неразборчиво
- 3 Далее неразборчиво
- ** Далее неразборчиво
- 4 Так в документе
- 5 Далее неразборчиво
- ** Так в документе

9 сентября 1944 г.

Дорогая Полина!

В момент отъезда Рахманова, я не имел времени написать тебе письма, в чем прошу извинить. Надеюсь, что достаточно подробно осветил тебе мою работу и жизнь, что в письме не предоставляется возможным описать. Ты, конечно, будешь в обиде, когда по приезде Рахманова не получишь от него письма моего. Сейчас временно стоим на одном месте, там, откуда поехал в отпуск Рахманов, но скоро опять начнутся марши и дни наступательных боев. События, Полина, развиваются очень быстро и в нашу пользу, и недалек тот день, когда отгремят последние залпы войны и торжества, когда дорога к дому будет без преград. Поэтому мы спешим, как можно быстрее уничтожить силы врага, оказывающие еще сопротивление.

Твое письмо получил, которое ждал с большим нетерпением, так как был продолжительный перерыв в твоих письмах, и вот обещанное тобой более скорое тетрадное письмо еще не получено мной и вероятно будет очередным через месяц. Сегодня и вчера получил письма от Николая и Симы. Николай под влиянием больших забот и переживаний высказывал в письме упадническое настроение, вроде того, что личная жизнь его не для него, и пожелал поехать на фронт, но это только желание, а, по существу, на фронте, если отбросить постоянную близость смерти, в вопросах семейных забот немного легче, так как оторван от семьи и боевые действия заполняют большую часть времени. Сима пишет, что живет хорошо. Сообщила о своей поездке в Саранск, пишет о тебе, что ты сильно изменилась, похудела, стала замкнутой. Для нее это состояние людей мало понятно, хотя она от всего своего сердца сочувствует и переживает вместе с нами наши трудные дни. Очень похвально отзывается о Татьянке, и когда я читал эти строки, меня глубоко задевало горе разлуки.

Работа и жизнь вообще ничего не изменилось, больше стало ответственности в работе, да и только. Природа в данных местах не плохая, но когда сейчас сходит на осень - дожди и прохлада. Материально живем отлично. Жду твоих писем, пиши больше о развитии и жизни Татьянки.

До свидания.

Остаюсь жив и здоров, горячо целую тебя, твой Сергей.

14 апреля 1945 г.

Здравствуй дорогая Полина!

Получил от тебя письмо и дорогую для меня фотокарточку Татьянки, и очень рад

всему этому.

С ответом задержался не случайно, а не было для этого времени. Непрерывно шли бои. Сейчас передышка, но ненадолго. Оттуда, где мы находились, предполагаю, что ты знаешь по рассказам Рахманова, мы сейчас далеко сдвинулись на запад, а где мы будем действовать, узнаешь по приказам. Полина, как быстро выросла наша Татьянка, для меня она просто неузнаваема, смотрю на нее и вижу в некоторых чертах ее лица твой образ. Как это все дорого. И скоро ли увижу я вас дорогих моих, что-то уже и не верится в это. Близок конец войны, а там как еще придется возвратиться.

У нас здесь стоит теплая солнечная погода. Немного сейчас отдыхаем, приводим себя в порядок. И вот в это свободное время от боев становится скучно и берет тоска по семье. Не знаешь чем заняться. Пробую заняться охотой, здесь много дичи, но это только часть времени. Здоровье сейчас улучшилось, так как теплые дни действуют благотворно, а то в холодное время беда со спиной - сильно болит, боюсь попасть в инвалиды. Из питания всего в изобилии.

Ты пишешь о своей работе и решаешь вопрос об уходе с занимаемой должности. Напиши мне, чем я могу тебе помочь в этом.

Я имею возможность кое-что сделать. Могу выслать соответствующие документы для этого. Предполагаю, как ты сейчас погружена в работу и, вероятно, мало находишь времени для отдыха и культурного обозрения <...>.

В скором времени предвидится боевая страда, если долго не будет писем, знай, что нет времени. Остаюсь жив и здоров.

Крепко обнимаю и горячо целую тебя, твой Сергей.

ЦГА РМ. Из личного фонда С.П. Неверова – участника Великой Отечественной войны